

Дань Чао провожал его взглядом, пока тот не исчез из виду окончательно, затем с легкой утратой отступил на полшага и тяжело выдохнул из груди.

Небо в тот момент было ясным, как после дождя, площадь перед дворцовыми воротами просторной и безлюдной. Помимо криков диких гусей, пролетавших в вышине, вокруг царила такая тишина, что слышен был лишь ветер. Дань Чао поднял голову, взглянув на высокую башню ворот, и внезапно краем глаза заметил нечто — у нефритовых перил наверху стоял человек и смотрел на него.

Это была женщина.

На ней были золотисто-красные дворцовые одеяния, волосы убраны фениксовой шпилькой. Она была уже не молода, но величественная, прекрасная и возвышенная, словно богиня, спустившаяся с девяти небес.

Почему-то в момент, когда их взгляды встретились, сердце Дань Чао внезапно сжалось, и невыразимое чувство поднялось из глубин души.

Но затем женщина отвела взгляд, развернулась и покинула высокую платформу, её расшитая золотыми нитями юбка скрылась под синим небом.

*

— Ваше величество, — тихо произнесла распорядительница, — командующий Се прибыл.

Высокая платформа соединялась с башней ворот через зал. Императрица У приподняла занавеску из нефритовых бусин, шагнула во внутренние покои и действительно увидела командующего императорской гвардией в одеяниях с белым питоном, расстеленных на полу. Он на одном колене почтительно преклонился перед главным тронном.

— Ваше величество...

Приближенная служанка поспешила вперед, но императрица У взмахом руки остановила её:

— Отойди.

Служанка безмолвно склонилась и отошла за колонну.

Внутренние покои были необычайно богаты и изысканны: пол выложен узорчатыми коврами, драгоценная пыль благовоний, лёгкий дымок медленно поднимался из звериных голов, инкрустированных самоцветами. Императрица У неспешной походкой подошла к главному трону, с высоты взглянула на макушку Се Юня и лишь спустя некоторое время тихо произнесла:

— Командующий похудел.

Не дожидаясь ответа Се Юня, она добавила:

— Видно, путь был тяжким.

В последних словах явно сквозила насмешка.

Однако взгляд Се Юня был неподвижно устремлён на роскошную подол её одеяния перед ним, будто он не замечал ничего вокруг, даже его голос был ровным и бесстрастным:

— Ваше величество слишком милостива, я недостойн. Сегодня утром монах Синь Чао из храма Цыэнь преподнёс снежный лотос. Не смея решать самостоятельно, я специально привёл его для аудиенции, прошу ваше величество решить.

С этими словами он склонил голову в поклоне.

Служанка, стоявшая за колонной, не смогла сдержать удивления на лице.

Императрица У оставалась неподвижной, и лишь когда он поклонился до конца, неспешно произнесла:

— Этот твой поклон... давно не видели.

Се Юнь ответил:

— Я знаю ваше величество семнадцать лет, один поклон — что он значит?

Ответ был чрезвычайно быстрым и безупречным, любой другой не смог бы произнести это так гладко. Императрица У даже представить не могла, сколько раз Се Юнь репетировал это заранее.

Но она не разгневалась, на её лице вместо этого мелькнула улыбка, лишь улыбка была необычайно холодной:

— А снежный лотос?

— У Синь Чао за дверью.

— Кто такой Синь Чао?

— Тот монах, что поднёс кислый фруктовый суп в день прибытия наследного принца в храм Цыэнь.

— Почему одет в одежды стражи?

— Я хотел привести его лично предстать перед императрицей, потому пришлось пойти на это. Прошу ваше величество умерить гнев.

Императрица У помолчала немного и сказала:

— Только что уже видела снаружи.

Во внутренних покоях воцарилась тишина, лёгкий дымок медленно рассеялся из звериной пасти.

— Раз уж видела, то не нужно видеть снова, — императрица У повернулась и отдала распоряжение:

— Придите, выволоките Синь Чао за дверью и забейте палками насмерть.

Служанка двинулась выполнять приказ, но ещё не дойдя до двери, Се Юнь внезапно поднял голову, взмахнул рукавом, и меч Тайэ, скрывавшийся под одеждой, рассек воздух, боевая энергия с рёвом вырвалась наружу, с грохотом захлопнув дверь!

Императрица У гневно крикнула:

— Как ты смеешь!

Се Юнь обнажил меч, развернул его и глубоко вонзил острие в плитку пола, тяжело произнеся:

— Обнажение оружия перед императорской особой — уже преступление, караемое смертной казнью. Раз уж так, прошу ваше величество собственноручно покончить со мной.

... — грудь императрицы У вздымалась, она внезапно схватила чайную чашу со стола и швырнула её в него!

Бам!

Фарфоровая чаша пронеслась мимо виска Се Юня, ударилась о пол и мгновенно разбилась вдребезги. Струйка крови тут же потекла по щеке Се Юня.

— Он должен был умереть два года назад, — императрица У вцепилась в воротник Се Юня, в упор глядя ему в глаза:

— Два года назад!

Край глаза Се Юня был пропитан кровью, отчего его щека казалась пугающе бледной, но выражение лица оставалось невозмутимо спокойным:

— Хоть я и ношу звание первого в императорской гвардии, иногда бывают промахи. Прошу ваше величество простить преступление.

— Почему был промах?!

...

Приближенная служанка стояла к ним спиной, хоть и привыкла к дворцовым бурям, сейчас её руки невольно дрожали, и она даже не смела обернуться.

Тёмно-красный воротник Се Юня был крепко сжат золочёными ажурными перстнями с перегородчатой эмалью и инкрустацией императрицы У, из щели слегка проглядывал тонкий кожаный шнурок на его шее.

Императрица У медленно разжала руку, подцепила кончиком перстня тот шнурок и увидела, что на конце висит высохший, потрескавшийся амулет — её взгляд слегка изменился.

Это был орлиный коготь.

... Это не тот, что я дала тебе, — наконец выпрямившись, холодно произнесла императрица У.

— Откуда он?

Застывший воздух во внутренних покоях наконец начал медленно двигаться. Неподалёку служанка украдкой оперлась о дверной косяк, беззвучно вздохнув с облегчением, словно обессилов.

Се Юнь поднял голову, глядя на императрицу У, в его взгляде отразилась женщина на вершине власти империи. Голос его был хриплым, но по-прежнему ровным:

— В те годы в Мобэе, в великой пустыне, где ветер и песок, пустынно и одиноко, всякий раз глубокой ночью, в сновидениях, вспоминал дела далёкого детства в Чанъане — не знаю, целали ещё та каменная ниша под внешней стеной храма Ганъе. Когда я, голодный и жаждущий, бежал туда прятаться, ваше величество всегда черпала колодезную воду, тайно подкладывала немного мёда и передавала мне через отверстие в стене.

Императрица У отвела взгляд, долго не говоря ни слова.

... Это тоже была моя скудная доля, — наконец тихо произнесла она.

— В те годы был несмышлёнышем, в Скрытых воротах было трудно наесться досыта, потому всегда выпрашивал у вашего величества еду, не зная, что и в храме ваше величество с трудом влачило дни. Потом однажды получил ранение, думал, что умру, кое-как добрался до стены храма Ганъе и увидел, что ваше величество всю ночь ждало там меня, припасло целую корзину еды и лекарств...

Императрица У перебила его с горечью:

— Ты тогда тоже был всего лишь ребёнком, что ты понимал?

Се Юнь печально улыбнулся:

— Да, тогда и представить не мог, что будет сегодня, думал, что умру в Скрытых воротах, а ваше величество состарится в храме... нет, тогда даже не знал, что вы — императрица.

В глубине глаз императрицы У, казалось, всплыли некие неясные чувства, лишь спустя некоторое время она едва слышно вздохнула:

— Потом меня отозвали обратно во дворец, а ты всё ещё был заперт в Скрытых воротах.

Се Юнь тоже с самосожалением покачал головой.

— Перед уходом ваше величество собственноручно поймало орла из Скрытых врат, отрубил две орлиные лапы, высушило их и подарило одну мне. Жаль, позже в Мобэе в один год налетел чёрный ураган, я не успел переселиться, меня унесло на несколько ли, когда очнулся, всё, что могло улететь, улетело, и орлиный коготь, что столько лет носил на теле, тоже пропал без вести...

— Я обыскал десятки ли вокруг в великой пустыне, но не нашёл и следа, выбился из сил и заснул. Проснувшись, увидел у изголовья ещё один орлиный коготь, нанизанный на шнурок и висящий у ложа, и понял, что кто-то из ближних ночью выследил орла, поспешно изготовил и поднёс.

Императрица У внезапно взглянула на Се Юня.

Се Юнь тоже смотрел на неё, тот серовато-белый высушенный орлиный коготь безмолвно висел у него на груди.

Спустя долгое время он наконец под взглядом императрицы У склонился в глубоком поклоне.

— Милость спасения жизни в те годы я всегда хранил в памяти, за семнадцать лет никогда не забывал. Два года назад в Мобэе, в момент нанесения удара, тоже внезапно вспомнил старые дела в храме Ганъе...

— Смотрю на красное, а вижу зелёное, мысли и воспоминания спутались, потому впервые в жизни допустил промах. Прошу прощения у её высочества императрицы.

Во внутренних покоях воцарилась тишина, в глубине глаз императрицы У мерцал некий неуловимый отсвет, спустя некоторое время уголки её губ даже приподнялись, и она тихо рассмеялась.

— Се Юнь, иногда мне кажется, как мы можем быть так похожи...

Она протянула руку, нежно приподняла окровавленную щеку Се Юня, рукавом понемногу стирая следы крови, движение даже можно было назвать нежным. Некоторые следы уже засохли, но она не позвала подать влажное полотенце, а несколько раз аккуратно протирала, пока явные следы крови под висками не были полностью стёрты, обнажив чистую кожу.

Императрица У слегка приблизилась, с высоты глядя в глаза Се Юню.

Это была поистине удивительная картина — хоть между ними не было никакого кровного родства, но лица обоих были прекрасны, черты выразительны, в глубине глаз таилась некая неуловимая холодность и острота, и в трепещущем моменте они действительно казались странно похожими.

— Почему ты не мой сын, — тихо произнесла императрица У на ухо Се Юню.

— Если бы ты был им, как могла бы империя скатиться до нынешнего состояния?

Дыхание Се Юня внезапно остановилось.

<http://bllate.org/book/15578/1387207>